

**Изъ прошлаго Кіевскаго университета и студенческой жизни.
(1870—1875 г.).**

Г л а в а X¹⁾.

Посѣщеніе Кіева Императоромъ Александромъ II.

еще не такъ скоро наступитъ время для полной исторической оцѣнки царствованія Императора Александра II-го. Великія реформы прошлаго царствованія по своей сложности и разнообразію ждуть еще своихъ историковъ; для характеристики же личныхъ качествъ Царя-мученика своевременно и теперь сообщать всѣ тѣ отдѣльные случаи и эпизоды изъ его жизни, какіе сохраняются пока въ памяти живыхъ свидѣтелей минувшаго царствованія. Одинъ изъ такихъ эпизодовъ я воспроизвожу въ своей памяти, эпизодъ, указывающій на необыкновенное добродушіе покойнаго государя, на удивительную его довѣрчивость къ учащейся молодежи.

Лѣтняя пора 1871 г. Живописно расположенный по холмамъ и долинамъ Кіевъ, весь въ зелени на берегу такъ красиво и величественно разливающегося у подножія города р. Днѣпра, производитъ на зрителя своимъ картиннымъ видомъ чарующее впечатлѣніе. Въ городѣ замѣчается оживленная суета: красятъ заборы, обмечаютъ улицы и тротуары, бѣлятъ наружные фасады домовъ; вездѣ по улицамъ оживленіе снующей толпы; слышится громкій говоръ въ народѣ, обществѣ и среди учащейся молодежи: ожидали всѣ пріѣзда въ Кіевъ Императора Александра II съ семействомъ

¹⁾ См. „Русская Старина“ іюнь 1912 г

на нѣсколько дней. Кіевъ готовился на славу встрѣтить и принять дорогихъ гостей. Во главѣ городского управленія въ то время находился извѣстный (уже умершій) князь Демидовъ-Санъ-Дonato, городской голова—человѣкъ въ цвѣтѣ лѣтъ, красоты и виѣшней представительности, не говоря о его богатствѣ; краемъ управлялъ генералъ-губернаторъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Демидову-то и не хотѣлось ударить „лицомъ въ грязь“ передъ Царемъ и его свитой, и онъ не скупился деньгами, чтобы со средствами, отпущенными городскимъ управленіемъ, достойно принять Царскую Семью, сдѣлать для нея пребываніе въ городѣ приятнымъ. И дѣйствительно, городъ былъ разукрашенъ на славу, иллюминированъ, а въ заключеніе, на противоположномъ берегу Днѣпра былъ сожженъ великолѣпный фейерверкъ. Въ свое время, во многихъ газетахъ довольно подробно описаны три дня пребыванія Царской Семьи въ Кіевѣ.

Здѣсь я желаю подѣлиться личнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ на меня въ пору студенчества первой встрѣчей лицомъ къ лицу съ Царемъ, первой въ жизни возможностью близко увидѣть Царскую Семью. Какъ въ описываемое время, такъ и позже, молодежь, въ особенности студенчество, укоряли въ „завиральности“ идей, въ антиправительственныхъ стремленіяхъ, радикализмѣ; но и тогда, какъ и теперь, нельзя подобные взгляды обобщать, распространяя ихъ на все студенчество огуломъ, такъ какъ „дурное“ студенчество составляло лишь исключеніе—и печальное исключеніе изъ общей его массы. Въ достопамятные дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи едва-ли не самыми горячими энтузіастами встрѣчи дорогихъ гостей—были студенты, и врядъ-ли кто другой изъ народной толпы употреблялъ столько усилій, чтобы поближе пробраться къ мѣсту нахождения Государя и семьи Его, чтобы лучше ихъ видѣть и глубже запечатлѣть въ душѣ дорогіе образы. Царское величіе при обстановкѣ появленія Государя, восторженное настроеніе народной массы, такъ обаятельно дѣйствуетъ на молодое сердце юноши, такъ много говоритъ его уму, поражаетъ его воображеніе...

Говорится это по личнымъ впечатлѣніямъ и по рассказамъ тѣхъ изъ товарищей-студентовъ, съ которыми приходилось вспоминать дни пребыванія въ Кіевѣ Царской Семьи. Но возвращаюсь къ событію дня. Въ одинъ изъ яркихъ солнечныхъ дней гулъ колоколовъ въ многочисленныхъ церквахъ Кіева, отдаленный, глухой шумъ народныхъ массъ возвѣстили о прибытіи Государя въ старинную столицу Владиміра „Красное Солнышко“. Кіевъ, побѣленный, „приаккураченный“ въ зелени деревьевъ и холмовъ, блестя золотистыми куполами своихъ церквей, всюду декорированный,

оживленный движеніемъ празднично-разодѣтой толпы,—радостно привѣтствуетъ своего Царя. За отдаленнымъ шумомъ мірскаго говора явственно слышится дружное „ура!“; всюду суета и торопливое движеніе толпы, въ особенности по направленію къ Софійскому собору: туда поѣхалъ Царь поклониться древней русской святыни. Лишь мелькомъ пришлось намъ (нѣсколькимъ студентамъ) увидѣть величественный образъ Царя, его ласковую улыбку въ сторону радостно взволнованной народной массы, его свѣтлый покойный взглядъ, частые наклоны головы. Мы не были удовлетворены мимо-летней встрѣчей Государя и дали себѣ слово, во что бы то ни стало при первомъ удобномъ случаѣ, ближе увидѣть Царя и его Семью. Цѣлый день мы бѣгали, какъ угорѣлые, по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ должно было находиться Царское Семейство; но напрасно.

Наконецъ, узнаемъ, что вечеромъ на другой день прибытія Государя на противоположномъ берегу р. Днѣпра, противъ Аскольдовой могилы, сожгутъ великолѣпный фейерверкъ, и этотъ фейерверкъ будетъ смотрѣть Царская Семья изъ бесѣдки вблизи Аскольдовой же могилы. Забираемся „спозаранку“ въ Царскій садъ, выбираемъ получше мѣста для встрѣчи Царя и терпѣливо поджидаемъ Царскаго пріѣзда. Вотъ и вечерѣть. Всѣ деревья аллей верхняго сада, увѣшанныя китайскими фонариками, плашками, начинаютъ мало-помалу освѣщаться; собираются толпы народа; слышатся тамъ и сямъ пріятные звуки духовой музыки, народъ подваливаетъ все больше и больше; шумъ, говоръ и оживленіе усиливаются; полицейскій нарядъ суетится, водворяя порядокъ. Уже и стемнѣло; заиграла въ разныхъ мѣстахъ сада военная музыка, садъ весь въ огнѣ; свѣтло, какъ днемъ; народа масса и въ сильномъ волненіи. Со стороны вѣзда въ верхнюю часть сада слышенъ гулъ и крики—„ура!“. Мы стоимъ на срединѣ большой аллей верхняго сада, охвативъ стоявшій у края ея большой стволъ дерева, чтобы толпа не сдвинула насъ съ мѣста; впереди цѣпь полицейскихъ и солдатъ, рѣдко разставленная и едва сдерживавшая натискъ толпы на самую аллею.

Еще нѣсколько минутъ, и крики „ура!“ раздаются вблизи насъ. Поворачиваемъ возбужденныя лица въ сторону надвигающагося Царскаго поѣзда; Царь ѣдетъ шагомъ въ открытомъ экипажѣ, милостиво кланаясь толпѣ. Мы рассчитываемъ моментъ, чтобы прорвать цѣпь и пойти рядомъ съ Царскимъ экипажемъ; экипажъ приближается къ намъ, моментально трое насъ (студентовъ) прорываемъ цѣпь, хватаемся за крылья экипажа и кричимъ оглушительно—„ура!“. Государь повернулъ лицо въ нашу сторону; на лицѣ признакъ неудовольствія. Уловивъ выраженіе неудовольствія на Царскомъ лицѣ, одинъ изъ нашихъ смѣльчаковъ рѣшительно обращается къ Госу-

дарю со словами: „дозвольте, Ваше Императорское Величество, студентамъ сопровождать экипажъ“. „А, студенты; хорошо, идите“, милостиво отвѣчаетъ Императоръ, останавливая въ то же время движеніемъ руки полицейскихъ, бросившихся вслѣдъ за нами, когда мы ворвались на аллею. Говоря приведенныя выше слова, Монархъ поглядѣлъ на насъ такъ доврчиво, послалъ намъ такую чарующую улыбку, впечатлѣніе которой и до сихъ поръ живо въ нашей памяти и не можетъ быть забыто.

Счастливые дозволеніемъ сопровождать Царскій экипажъ на всемъ пути его слѣдованія до бесѣдки около Аскольдовой могилы, мы въ это время считали себя героями дня, свысока поглядывая на густую массу народа, стѣнами окружившую путь слѣдованія Царскаго экипажа; съ дѣтски наивнымъ любопытствомъ всматривались мы въ Царя, вблизи, изучая и запоминая дорогія черты лица обожаемаго Монарха. Проводивъ экипажъ къ бесѣдкѣ, прокричавъ Царю прощальное—„ура!“ и „спасибо!“ за оказанную милость, мы остановились потомъ не въ далекомъ разстояніи отъ бесѣдки, гдѣ уже собралась Царская Семья смотрѣть фейерверкъ, который скоро долженъ былъ быть сожженъ на противоположномъ берегу Днѣпра. Въ бесѣдкѣ, кромѣ Царской семьи и свиты Государевой, находились и высшіе представители мѣстнаго общества съ начальникомъ края и городскимъ головою княземъ Демидовымъ-Санъ-Дonato. Въ бесѣдкѣ велись, повидимому, оживленные разговоры, когда же былъ зажженъ фейерверкъ, то оживленіе сдѣлалось общимъ, при чемъ было замѣтно, что Государыня, подозвавъ къ себѣ Демидова, очень милостиво съ нимъ бесѣдовала.

Фейерверкъ дѣйствительно удался на славу: при тихой погодѣ и прохладномъ вечерѣ, освѣщенная часть Днѣпра съ темной каймой лѣса сзади, съ искрящейся массой огневой воды спереди и усѣянными народомъ горами, освѣщенными отблесками фейерверка, горѣвшихъ смоляныхъ бочекъ и бенгальскихъ огней, все это представляло фантастическую картину, достойную кисти художника; на центральномъ же фонѣ картины горѣла въ огняхъ Царская бесѣдка и виднѣлись оживленные лица высокихъ кіевскихъ гостей. Мы, „фуксы“, находились въ такомъ восторженномъ состояніи отъ всего видѣннаго, отъ Царской милости, что, казалось, утратили всякое представленіе и о мѣстѣ своего пребыванія и о времени. Простоявъ возлѣ бесѣдки до отъѣзда изъ сада Царскаго Семейства и побродивъ немного въ толпѣ, усталые, взволнованные и очарованные впечатлѣніями дня, разбрелись по улицамъ. Царское Семейство лишь на третій день оставило Кіевъ, и образъ Царя и членовъ его семьи навсегда запечатлѣлись въ нашей памяти. До 1875 г.

мнѣ не представлялось случая вновь увидѣть Императора Александра II. Въ 1875 г. покойный Государь опять посѣтилъ Кіевъ.

Помнится, какъ сегодня, что прїѣздъ Царя послѣдовалъ около 12 ч. дня, въ сентябрѣ мѣсяцѣ. Студенты группами стояли на Бибиковскомъ бульварѣ, противъ зданія 2-й гимназїи. Въ ожиданїи Царскаго прїѣзда—я осматривалъ всѣхъ высшихъ кїевскихъ чиновъ, спѣшно направлявшихся во всевозможныхъ экипажахъ по Бибиковскому бульвару къ триумфальнымъ воротамъ. Вотъ прїѣзжаетъ и кїевскїй городской голова, но не представительный князь Санъ-Дonato, на тысячныхъ рысакахъ, а сгорбленный, тощїй и ученый мужъ проф. Ренненкампфъ, „потрухивая“ на поджарномъ „пѣтушкѣ“. Однако, Царскаго прїѣзда мнѣ не пришлось дожидаться, да и не хотѣлось ждать, такъ какъ нахлынувшая вскорѣ масса народа по пути слѣдованія Государя мѣшала ближе взглянуть на его дорогой образъ. На другой день Государь долженъ былъ посѣтить женскую (Фундуклеевскую) гимназїю; отправляемся туда заблаговременно, занимаемъ отличную позицію у зданія гимназїи и ждемъ Царя. Императоръ прїѣхалъ и торопливыми шагами, по выходѣ изъ экипажа, входитъ въ парадную дверь гимназїи; всматриваемся въ его лицо — и какая поразительная перемѣна! — взглядъ усталый, тревожный, лицо полное сосредоточенной „думы“ и озабоченности; ни одной улыбки, ни привѣта. Какъ невыразимо грустно стало на душѣ, видя Государя въ такомъ настроенїи, какъ заняло сердце при воспоминанїи прежняго образа Царя и сравненїи съ тѣмъ, какой представлялся намъ сію минуту. Невольно приходилось задаваться вопросомъ, что за причины, вызвавшїя такую перемѣну въ выраженїи Царскаго лица? Причины же, конечно, были, и при томъ понятныя даже студенту, только что оставившему школьную скамью. Но несчастью въ числѣ многихъ причинъ, огорчавшихъ гуманнѣйшаго Императора, немаловажной представлялась и та дѣятельность молодежи, то броженїе среди студенчества, какое стало развиваться въ 70-хъ годахъ и, постепенно разрастаясь, привело къ ужасающимъ преступленїямъ, къ чудовищному цареубїйству. Не мѣсто здѣсь вдаваться въ объясненїя всѣхъ обстоятельствъ, влїявшихъ на пагубное направленїе молодежи 70-хъ годовъ, которому не чужда была и извѣстная часть кїевскаго студенчества, гдѣ попадались всякаго рода — „исты“; но должно торжественно засвидѣтельствовать, что часть „номинальнаго“ студенчества ничего общаго съ массой „дѣйствительнаго“ не имѣла. Не посѣщая университета, бросивъ школьныя занятїя, эти номинальные студенты всецѣло отдавались своимъ кружковымъ интересамъ, своей пропагандѣ, разнымъ пагубнымъ ученїямъ, слывя у трудящагося студенчества за

людей малоспособныхъ, избѣгающихъ серьезныхъ научныхъ занятій, „пустопорожнихъ“ болтуновъ. И въ самомъ дѣлѣ: всѣ эти Рабцевичи, Бохановскіе, Лурье и прочіе изъ кіевскихъ студентовъ „радикальнаго лагеря“ — вмѣстѣ оправдывали собой сложившееся объ нихъ мнѣніе большинства товарищей, при чемъ всѣ эти господа лишены были въ большинствѣ случаевъ правильнаго домашняго воспитанія и твердыхъ нравственныхъ принциповъ. Очень скоро, уже по окончаніи мною университетскаго курса, пришлось узнать о печальной и заранѣе предвидѣнной судьбѣ подобныхъ студентовъ, которая ихъ постигла и которую они вполне заслужили. Не разъ удивлялъ меня еще и тотъ фактъ, что въ 70-хъ годахъ Кіевскій университетъ и студенты въ ректорство гуманнѣйшаго Н. Х. Бунге и при такомъ генераль-губернаторѣ, какъ князь Дондуковъ-Корсаковъ, пользовались гораздо большей свободой, чѣмъ въ другихъ университетахъ, и, несмотря на это, лишь самая незначительная горсть отдѣльныхъ личностей изъ кіевскихъ студентовъ примкнула въ то время къ кружкамъ „зловредныхъ“ дѣятелей. Но и это меньшинство провинціального студенчества и общее число всей учащейся молодежи не могло не огорчать своимъ поведеніемъ добрѣйшаго Монарха; не могло не скорбѣть его любящее сердце, въ виду той неблагодарности, какая была проявлена молодежью въ отвѣтъ на всѣ оказанныя ей царскія милости. Когда же съ 1874 г. и далѣе покушенія „злодѣйской“ молодежи на жизнь Царя и его Семьи участились, то возможно ли было Монарху съ самыми крѣпкими нервами, съ самой закаленной силой воли — сохранить спокойный, свѣтлый взглядъ, довѣрчивость къ окружающимъ людямъ, привѣтливую улыбку на лицѣ. Тѣмъ не менѣе, великій преобразователь Россіи и до послѣднихъ дней своей жизни, какъ видно, сохранилъ вѣру въ добрыя побужденія молодежи, такъ какъ не предпринялъ противъ студенчества никакихъ исключительныхъ репрессалій. Царь и не ошибался; какъ тотъ крестьянинъ 1861 года, который, получивъ свободу, утромъ и вечеромъ ежедневно первую молитву творить за Царя-Освободителя, такъ и студенты, получившіе высшее образованіе по уставу 1863 года, съ такой же молитвой вспоминали Царя-Просвѣтителя. Многимъ изъ этихъ студентовъ пришлось потомъ практически, въ жизни, — примѣнять и осуществлять великія реформы Императора Александра II, и дѣло это, не обинуясь скажемъ, ведено было ими съ рѣдкимъ усердіемъ и воодушевленіемъ: стоять лишь вспомнить дѣятельность нашей магистратуры съ 1868 года и послѣдующихъ годовъ, земскихъ дѣятелей, военныхъ врачей въ турецкую войну и т. п.! Смерть Великаго Монарха, столь ужасная и неожиданная, никого, быть можетъ, такъ не по-

разила и не огорчила, какъ этихъ благоговѣйныхъ поклонниковъ славныхъ преобразованій Царя-Мученика. Казалось, что при вѣсти о кончинѣ Императора Александра II, свѣтлый образъ котораго такъ неизгладимо запечатлѣлся въ моей памяти, въ пору студенчества, — я потерялъ что-то родное, близкое моему сердцу, такъ много говорящее уму, глубоко запавшее въ душу... Подъ такимъ тягостнымъ впечатлѣніемъ находился и я при вѣсти о смерти незабвеннаго Монарха; но печальное событіе отошло въ область исторіи, а свѣтлый и пріятливый образъ добраго Государя и до сихъ поръ живъ въ моей памяти, бережно сохраняется въ моемъ воображеніи.

В. С. Чеважевскій.

